

Ю. В. Исламова

Языковая ситуация в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в социолингвистическом аспекте

Аннотация. Социально-демографическое развитие Севера Западной Сибири в XVI–XX вв. неблагоприятно отразилось на состоянии автохтонных этносов и их языков. Политика Русского государства, а затем и СССР в отношении коренных жителей привела к ассимилированию их абсолютного большинства. Русский язык завоевал лингвистическое пространство Обского Севера, практически вытеснив языки ханты и манси из бытовой коммуникации – основной среды, в которой естественным образом происходит передача национального языка от поколения к поколению.

Предмет исследования составляет положение этнических языков в обско-угорском обществе. Актуальность обусловлена недостаточной изученностью вопросов функционирования языков обских угров в русском языковом окружении. В работе впервые осуществляется анализ языковой ситуации в Октябрьском районе ХМАО-Югры в аспекте детерминирующих ее факторов. В задачи входит оценка уровня языковой компетенции коренных северян, компактно проживающих в сельских населенных пунктах Нижние Нарыкары, Шеркалы, Большой Атлым; анализ основных внешних и внутренних причин, приведших обских угров Октябрьского района к коллективному отказу от языков своих этносов в пользу русского языка. В работе уделяется внимание историко-демографическим процессам – базовым причинам языкового сдвига, а также структуре этничности обских угров и месту в ней национальных языков.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера; языковая ситуация; языковая компетенция; языковой сдвиг.

Yu. V. Islamova

The language situation in the Oktyabrsky district Khanty-Mansiysk autonomous okrug – Ugra in the socio-linguistic aspect

Abstract. Socio-demographic development of the North of Western Siberia in XVI–XX centuries adversely affected the status of autochthonous ethnic groups and their languages. Policy of the Russian state, and then the Soviet Union against indigenous people resulted in their assimilation of an absolute majority. Russian language has won the linguistic space of the Ob North, almost displacing the Khanty and Mansi languages of household communication is the main environment in which naturally there is a transfer of the national language from generation to generation. The subject of this research is the situation of ethnic languages in the Ob-Ugrian society. The urgency is due to insufficient knowledge of the functioning of the languages of the Ob Ugrians in the Russian language environment. For the first time performs the analysis of the language situation in the Oktyabrsky district of KHAMAO-Yugra in the aspect of determining its factors. The objectives included assessment of the level of language competence of indigenous minorities living in compact communities in rural settlements in the Lower Narykary, Sherkaly, Great Atlim; analysis of the main external and internal causes that led Ob Ugrians of Oktyabrsky district to the collective refusal of the languages of their ethnic groups in favor of the Russian language. The work pays attention to the historical-demographic processes – the underlying causes of language shift and ethnicity structure of Ob-Ugrian peoples and in national languages.

Key words: indigenous minorities of the North; the language situation; language competence; language shift.

Интерес к этноязыковым процессам в ХМАО-Югре появился на рубеже XX–XXI вв., когда унифицирующие процессы глобализации в сфере национальных культур коренных малочисленных народов Севера стали очевидны для всех. Вопросы функцио-

нирования языков автохтонных этносов этой территории освещались в работах А. П. Зенько, Н. Б. Кошкаревой, С. Х. Хакназарова, В. И. Сподиной, Е. В. Косинцевой, Ю. В. Исламовой и др. Однако проведенные исследования не охватывают весь спектр проблем,

связанных с языками коренных народов Севера Западной Сибири. Языковая ситуация как динамично развивающаяся система требует систематического мониторинга.

В 2015 г. автором была изучена языковая компетенция автохтонных этносов Октябрьского района ХМАО-Югры. Результаты наблюдения представлены в настоящей работе.

Исследование проводилось в населенных пунктах с компактным проживанием КМНС: *Нижние Нарыкары* (манси 71,4 %, ханты 28,6 %); *Шеркалы* (ханты 92,5 %, манси 7,5 %); *Большой Атлым* (ханты 92 %, манси 8 %). В целом в этническом составе района преобладают ханты – 70 %, манси составляют 30 %.

С использованием методов анкетирования и интервью было опрошено 100 человек. Из них 67 % – женщины, 33 % – мужчины. Возраст участников – от 18 лет и старше, без ограничения верхней возрастной планки. Большинство из них имеет среднее (40 %) и среднее специальное образование (31 %). Вузы окончили 11 %. Не поднялись выше первой ступени образования 17 %.

Наиболее значительно представлены в исследовании пенсионеры (24 %), работники школ и детских садов (18), безработные (10 %). 1 % от числа опрошенных состав-

ляют работники в сфере традиционных профессий (рыбак, охотник, оленевод).

Октябрьский район расположен по левобережью и правобережью нижнего течения реки Обь, в западной части ХМАО. На севере он граничит с Березовским районом, на северо-востоке – с Белоярским районом, на западе – с Советским районом, на юге и на юго-востоке – с Ханты-Мансийским и Кондинским районами [1].

Специфика административно-территориального членения округа обусловила включение в состав Октябрьского района местностей с компактным проживанием обско-угорских этносов. На северо-западе преобладает мансийское население. В южной части административного образования сосредоточены ханты. Повсеместно на территории района расселены представители многих других народов России и СНГ (русские, татары, башкиры, украинцы и др.).

По данным исследования состояния родных языков коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 2008–2011 гг., 2014–2015 гг., уровень владения этническими языками в отдельных районах колеблется от низкого до достаточно высокого (табл. 1).

Таблица 1

Уровень владения родными языками КМНС ХМАО-Югры

Район ХМАО-Югры	Уровень владения этническими языками (по данным 2008–2010 г.) ¹¹	Уровень владения этническими языками (по данным 2011 г.) ¹²	Уровень владения этническими языками (по данным 2014–2015 гг.)
Сургутский район (ареал Варьеган, Аган)	91 %	88 %	-
Советский район	-	64 %	-
Березовский район	62,3 %	64 %	-
Белоярский район	-	64 %	-
Нижневартовский район	-	47 %	-
Октябрьский район	42,86 %	31 %	14 %
Кондинский район	-	10 %	-
Ханты-Мансийский район	-	-	12 %

В 2008 г. языками обских угров владело 42,86 % жителей Октябрьского района. Мониторинг языковой ситуации в ХМАО-Югре в 2011 г. вывел регион на предпоследнее место по уровню владения автохтонным населением этническими языками. Компетентными в языках КМНС

в это время оказались 31 % респондентов [2, 145].

Изучение динамики языковой компетенции в 2015 г. обнаружило снижение количества носителей языков обских угров. Только 14 % принявших участие в опросе сообщили о знании языка своего народа.

¹¹Хакназаров, С. Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2008–2011 годах [Текст] / С. Х. Хакназаров. – Ханты-Мансийск, 2012. С. 51–53.

¹²Там же. С. 145.

Исследование обнаружило разный уровень языковой компетенции внутри группы носителей языка: от пассивного до совершен-

ного владения. При этом не знают и нескольких десятков слов около 60 % (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Вы владеете родным языком?»

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Свободно владею, предпочитаю родной язык	1	1,0
Свободно владею, но вынужден использовать язык большинства (т. е. русский)	10	10,0
Говорю с небольшими ошибками	3	3,0
Владею, пишу и читаю	0	0,0
Свободно понимаю родную речь	0	0,0
Понимаю язык, но не говорю	10	10,0
Понимаю два десятка слов	15	15,0
Не понимаю языка	59	59,0
Понимаю, о чем говорят	0	0,0
Затрудняюсь ответить	2	2,0
Итого ответивших:	100	100,0
Нет данных	0	0,0
	100	100,0

Уровень владения в этнических группах ханты и манси также оказался разным. Сравнительный анализ показал лучшее знание родного языка респондентами-манси. Ханты в значительной мере уступают им в этом (табл. 3).

Таблица 3

Уровень владения этническими языками в среде КМНС

	Активное владение языком	Пассивное владение языком (на уровне понимания)
Ханты	12 %	12 %
Манси	27 %	15 %

Все носители мансийского языка сосредоточены в одном населенном пункте – Нижние Нарыкары. В других селах – Шеркалы и Большой Атлым – владеющих мансийским языком не оказалось.

Знание хантыйского языка указали: в Нижних Нарыкарах 12 %, в Шеркалах 7,5 %, в Большом Атлыме 12 %.

Среди активно владеющих мансийским языком (27 % от общей численности респондентов) 71 % находятся в возрасте старше 51 года, 29 % – в возрастной категории «41–50 лет». Среди носителей хантыйского языка (12 % от общей численности респондентов) 33 % люди старше 51 года, 67 % старше 61 года. Носителей языков обских угров моложе 41 года исследование не обнаружило.

Наблюдаемые изменения можно охарактеризовать как процесс утраты этносом этнического языка. Ускорение темпов языкового сдвига требует пристального внимания и анализа причин, провоцирующих его.

Проблема языкового сдвига достаточно сложна. По мнению Н. Б. Вахтина, к утрате

общностью этнического языка и переходу на новый приводят особые условия, толчком к возникновению которых становится обычный культурный и языковой контакт: рядом с привычной жизненной моделью возникает другая модель, часто более привлекательная (или кажущаяся таковой) [3, 16]. Не вызывает сомнения тот факт, что отказ обских угров Октябрьского района в пользу русского языка был обусловлен влиянием культуры его носителей.

Остановимся на исторических аспектах русской ассимиляции аборигенного населения. В истории русификации коренных жителей Севера Западной Сибири можно выделить несколько основных периодов, определивших судьбу коренных народов и их языков. Начало русскому освоению было положено историческими событиями присоединения Сибири к Русскому государству. В прошлом на месте Октябрьского района, располагались Кодское княжество – территориально-племенной союз хантов, а также часть Пелымского княжества – государственного образования манси. Русским

они были известны с XV в. Через Коду проходили пути на Север – в Обдорию, на Юг – к Сибирскому ханству, на Запад – в Приуралье, на Восток – к Пегой Орде. Живя на путях, по которым шло оживленное движение русских торговых и промышленных людей, остяки и вогулы западного района более, чем их восточные соплеменники, в своем быту подвергались русскому влиянию [4, 21–23, 44].

В середине XV в. Кодское княжество признало себя вассалом русского государства. Кодские «князья» активно содействовали русской колонизации Сибири. Особая близость правителей Коды к русским властям сказалась на раннем распространении православия в этой земле. Крещение было мощным средством русификации [4, 23].

Укоренению русской культуры в Коде способствовало строительство Кондинского Троицкого монастыря в 1657 г., в котором наряду с миссионерской осуществлялась многоотраслевая хозяйственная деятельность. Помимо традиционных для Обь-Иртышского Севера занятий (охота, рыболовство), религиозная община активно занималась животноводством и кузнечным промыслом, была крупнейшим поставщиком хлеба на рынок Березовского уезда. Рыночные отрасли монастырского хозяйства были ориентированы на удовлетворение нужд соседнего остяцкого населения, в то же время монахи заимствовали у остяков некоторые предметы материальной культуры, приемы рыболовства, что свидетельствует об этническом взаимовлиянии на севере Оби [5].

В XVII–XIX вв. у русских правителей главным принципом деятельности было стремление к территориальному расширению государства и увеличению народонаселения. Правительство, заинтересованное в поступлении в казну доходов от ясака, стремилось расширять подвластную территорию Сибири, сохранять и увеличивать численность коренного населения. Страх потерпеть ущерб от ясачных недоборов побуждал власть относиться внимательно к жалобам коренных жителей, препятствовать их закабалению, наказывать людей, уличенных в жестоком обращении с ясачными, снабжать голодающих продовольствием, защищать их от набегов и т. д. Там, где быстро устанавливалась твердая государственная власть (что было характерно почти для всей

территории Сибири), коренное население испытывало минимум лишений. Таким образом, отношение к коренному населению, имевшее место в Сибири, объяснялось чисто практическим интересом, связанным с пополнением казны. Нарботанный в течение столетий стереотип восприятия коренного жителя, насаждаемый правительством, позволял терпимо относиться к его инокультурной традиции. Они, в основном, сохранили свой бытовой уклад, свой язык [6].

Первые проявления стремления к ассимиляции в качестве государственной политики относятся к XVIII в. Тенденции к интеграции сибирских народов на этом этапе проявились в регламентации традиционных институтов управления, социального контроля и в религиозной области, но существенно не коснулись хозяйственного уклада.

Аборигенная политика второй половины XIX в. характеризуется направленностью на ликвидацию особого правового положения сибирских «инородцев»: унификацию их хозяйственного строя, социального устройства, административного управления, податного положения, культурно-языковой специфики.

В начале XX в. правительство стало открыто придерживаться ассимиляционной политики, задачей которой стало слияние «инородцев» с русской народностью. Русский язык стал показателем национальной интеграции [7, 59–87].

Разрушительный удар по традиционному образу жизни аборигенов был нанесен в 1960–1980-е годы в ходе индустриального «освоения» природных богатств западносибирских недр. Вследствие притока нового населения аборигенные народы оказались в абсолютном меньшинстве на своих когда-то землях.

Не лучше обстояло дело и в социокультурной сфере: после принятия в 1957 г. постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» началось массовое сселение жителей стойбищ и маленьких посёлков в крупные, практически насильственный перевод кочевников на оседлость, вследствие чего с конца 50-х годов стала резко расти люмпенизация аборигенного населения, связанная с отрывом его от традиционных занятий и мест обитания. Ещё более сильным ударом по традиционной культуре

стало введение в 60–70-х годах обязательного восьмилетнего, а затем – среднего образования, что означало на деле насильственный отрыв детей от родителей с семи – до шестнадцатилетнего возраста и полную утрату молодым поколением традиционных культурных навыков и ценностей [8].

Историко-политические события изменили демографию Нижнего Приобья. В настоящее время этнический состав Октябрьского района отличается многонациональностью. Специфику составляет компактность проживания в нем двух групп обских угров. Доминирование инонационального населения привело к высокому удельному весу экзогамных браков. Обычно такие союзы образуются по модели «супруга ханты / манси + супруг – представитель другого этноса». Чаще всего в межэтнические брачные отношения вступают женщины. По большей части они останавливают свой выбор на русских партнерах, что вполне объяснимо преобладанием русских в этническом составе района. Не последнюю роль также играет традиционное представление о русских как о более успешном этносе. Национальность детей, рожденных в подобных браках, как правило, устанавливается по матери. Такой выбор обычно мотивируется возможностью получения социальных льгот, предусмотренных для КМНС ХМАО-Югры.

Несомненно, роль социальных факторов языкового сдвига велика. Однако, как показывают современные социолингвистические исследования, в выборе языка определяющее значение имеют внутренние установки языковой личности и языкового коллектива. Нельзя не согласиться с Н. Б. Вахтиным в том, что в основе многих случаев языкового сдвига лежит именно нежелание людей говорить на титульном языке [3, 14].

Известно немало примеров того, как миноритарные народы, несмотря на неблагоприятные с точки зрения сохранения языка условия, не перешли на язык доминирующего этноса, оставаясь двуязычными. В советский период языковая политика в отношении всех нерусских национальностей проводилась в равной мере, однако степень языковой ассимиляции, приверженности языку своего народа у этносов Российской Федерации оказалась разной. При этом некоторые из них, например, народы Северно-

го Кавказа, якуты, довольно успешно сопротивлялись не намеренной, но тем не менее фактической языковой ассимиляции, в то время как многие национальности бывшего СССР, включая евреев, белорусов, поляков, алеутов и др., почти полностью переключились на русский язык [9, 20–21].

Помимо внутренних причин, считает Э. В. Хилханова, витальность или, наоборот, утрата языка зависят и от того, какое место занимает он в структуре этнической идентичности и даже в ее природе. Группы с сильным ощущением и осознанием своей этнической идентичности, имеют более крепкие связи с языком своей этнической группы, в то время как группы со «слабой» идентичностью, меньше придающие значение языку, легче ассимилируются и расстаются со своим языком, однако первое не обязательно предполагает второе [9, 21].

Традиционно в качестве этносоциальных признаков выделяют специфические особенности культуры, характерные черты психики, единую территорию проживания, а также самосознания и самоназвания. Одним из важнейших считается язык. Однако в настоящее время все чаще предпринимаются попытки пересмотреть его роль в ряду этнообразующих факторов. Все больше внимания уделяется тому, что этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами группы, сколько с его символической ролью в формировании чувства родственности с группой и одновременно в процессах межгрупповой дифференциации [10, 77].

В целях определения места национальных языков в структуре этнических признаков респондентам был предложен перечень критериев, в котором требовалось отметить те, которые сближают их со своим этносом. В результате главным оказался «географический» признак, вытеснивший самобытные этноконсолидирующие факторы на периферию этнического самосознания. Так, территориальная общность роднит со своим народом 62 % респондентов. Другие составляющие этничности в целом отметили 51 %: чувство единства происхождения (34 %), антропологические признаки (5 %), бытовые национальные компоненты (4 %), религия (4 %) и язык (4 %), 5 % не дали ответа (табл. 4).

Распределение ответов на вопрос: «Что больше всего сближает Вас со своим народом?»

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Чувство общности происхождения	34	34,0
Национальная одежда, пища	4	4,0
Внешний облик	5	5,0
Религия	4	4,0
Язык	4	4,0
Родная земля, ее природа	62	62,0
Итого ответивших:	95	95,0**
Нет данных	5	5,0
	100	100,0

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного – 1,2.

** В данном случае рассчитана не сумма, а отношение числа ответивших к числу опрошенных.

Показательными в определении причин низкой значимости языка как этнического признака явились данные о родных языках респондентов. Обско-угорские языки в Октябрьском районе родными считают 26 % опрошенных (17 % – хантыйский, 9 % – мансийский). Для 76 % родным языком стал русский. 2 % сообщили о том, что имеют два родных языка – хантыйский и русский. В целом расхождение между национальностью и этническими языками оказалось велико. Тем не менее в число считающих языки ханты и манси родными вошли 12 % не владеющих ими. Как видим, абсолютное большинство респондентов, называя родным языком язык другой национальности, неосознанно дистанцируются от своей этнической общности. Как правило, это выходцы из этнически смешанных семей. Многие из них, как стало ясно из интервью, явно стыдятся своего «несоответствия» (внешнего и внутреннего психологического), своей национальности, комментируя ответ о своей этнической принадлежности тем, что являются ханты/манси только формально.

Углубляют представление о месте языков обских угров в системе этнических признаков сведения об отношении респондентов к нему. По данным, полученным на других территориях, подавляющее большинство респондентов свои этнические языки воспринимают как языки предков. Не принес неожиданностей соцопрос и в Октябрьском районе. Здесь языки КМНС связывают с предшествующими поколениями более 70 % респондентов. Лишь 13 % согласились с утверждением: «Этнический язык – мой родной язык». 3 % считают языки КМНС языками близких друзей и знакомых, для 2 % чужой язык, для 4 % ничего не означает. 10 % затруднились с ответом.

На вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети и внуки владели хантыйским / мансийским языком?» 48 % ответили положительно, более половины обнаружили нулевую и отрицательную лояльность к языкам: 44 % ответили, что не видят в этом необходимости, 9 % затруднились с ответом. Готовность изучить языки предков проявили только 14 % (10 % – ханты, 4 % – манси).

Как видим, обские угры Октябрьского района ХМАО-Югры не ориентированы на использование своих этнических языков, хотя в целом равнодушны к их судьбе. Исследование показало, что для абсолютного большинства национальные языки не играют консолидирующей роли: 86 % респондентов не говорят на хантыйском и мансийском языках, 76 % считают родным другой язык. В силу полиэтничности населения русский как язык межнационального общения господствует в деловой коммуникации. В рабочей обстановке к обско-угорским языкам обращаются только 3 %. Вследствие отсутствия практической необходимости знания этнических языков почти полностью прекращена их передача в семье от старшего поколения к младшему. Поэтому в семейном общении языки обских угров используются крайне ограниченно. Так, в быту на титульных языках общаются 1 % опрошенных. Другие информанты во всех видах коммуникации используют русский язык.

Социально-политические события создали благоприятную почву для русской ассимиляции коренных северян. В силу малочисленности и территориальной разобщенности, а также коммуникативно-поведенческих особенностей обские угры исследуемого региона не смогли устоять перед натиском инационального наступления, принеся в жертву свой язык и культуру.

Литература

1. Общие сведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.oktregion.ru/index.php?option=com_k2&view=itemlist&task=category&id=283:obschie-svedeniya2&Itemid=264 (дата обращения: 21.01.16).
2. Хакназаров, С. Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2008–2011 годах [Текст] / С. Х. Хакназаров. – Ханты-Мансийск, 2012. – 202 с.
3. Вахтин, Н. Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) [Текст] / Н. Б. Вахтин // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. – № 1. – СПб., 2001. – С. 11–16.
4. Бахрушин, С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках [Текст] / С. В. Бахрушин. – Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 86 с.
5. Акишин, М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря XVII в. [Электронный ресурс] / О. М. Акишин // Российское государство в XIV–XVII вв. : сб. статей, посв. 75-летию со дня рожд. Ю. Г. Алексеева. – СПб., 2002. – С. 509–532. – Режим доступа : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Materialy_Kand_monast/pred.htm (дата обращения: 27.01.16).
6. Скобелев, С. Г. Коренные народы Сибири: опыт управления в Российской империи и СССР (XVII–XX вв.) [Электронный ресурс] / С. Г. Скобелев. – Режим доступа : <http://zaimka.ru/skobelev-governance/> (дата обращения: 16.02.16).
7. Ковалышкіна, Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль [Текст] / Е. П. Ковалышкіна. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 326 с.
8. Напольских, В. В. Введение в историческую урالیстику [Электронный ресурс] / В. В. Напольских. – Режим доступа : <http://profilib.com/chtenie/156066/vladimir-napolskikh-vvedenie-v-istoricheskuyu-uralistiku-26.php> (дата обращения: 27.01.16).
9. Хилханова, Э. В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсивный и социолінгвістический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / Э. В. Хилханова. – Барнаул, 2009. – 35 с.
10. Донцов, А. И. Язык как фактор этнической идентичности [Электронный ресурс] / А. И. Донцов, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Уталиева. – Режим доступа : <http://www.voppsy.ru/issues/1997/974/974075.htm> (дата обращения: 08.02.16).

References

1. *Obshchie svedeniya* [General information]. Available at: http://www.oktregion.ru/index.php?option=com_k2&view=itemlist&task=category&id=283:obschie-svedeniya2&Itemid=264 (accessed January 21, 2016).
2. Khaknazarov S. H. *Sostoyanie rodnykh yazykov korennykh malochislennykh narodov Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2008–2011 godah* [Status of native languages of indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in 2008–2011]. Khanty-Mansiysk: 2012. 202 p.
3. Vakhtin N. B. *Usloviya yazykovogo sdviga (K opisaniyu sovremennoj yazykovoj situacii na Krajnem Severe)* [The conditions of language shift (to the description of the contemporary language situation in the far North)]. *Vestnik molodyh uchenykh. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of young scientists. Series: Philological Sciences], 2001, no. 1, pp. 11–16.
4. Bakhrushin S. V. *Ostyackie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekah* [Ostyak and Vogul principalities in the XVI–XVII centuries]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa CIK SSSR Publ., 1935. 86 p.
5. Akishin M. O. *Materialy k istorii Kondinskogo Troickogo monastyrya XVII v.* [Materials of the history of Kondinsk Monastery of XVII century]. *Rossijskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.: Sb. statej, posv. 75-letiyu so dnya rozhd. Yu. G. Alekseeva* [Russian state in XIV–XVII centuries: Coll. articles, dedicated to 75-th anniversary of born of Y. G. Alexeev], 2002, pp. 509–532. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Materialy_Kand_monast/pred.htm (accessed January 27, 2016).
6. Skobelev S. G. *Korennye narody Sibiri: opyt upravleniya v Rossijskoj imperii i SSSR (XVII–XX vv.)*. [Indigenous peoples of Siberia: experience of managing in Russian Empire and USSR (XVII–XX centuries)]. Available at: <http://zaimka.ru/skobelev-governance/> (accessed February 16, 2016).
7. Kovalyashkina E. P. «*Inorodcheskij vopros*» v Sibiri: *Koncepcii gosudarstvennoj politiki i oblastnicheskaya mysl'* [«National minority question» in Siberia: the concepts of the state policy and the regional thought]. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta Publ., 2005. 326 p.
8. Napolskikh V. V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to the historical uralistica]. Available at: <http://profilib.com/chtenie/156066/vladimir-napolskikh-vvedenie-v-istoricheskuyu-uralistiku-26.php> (accessed January 27, 2016).

9. Khilkhanova E. V. *Faktory yazykovogo sdviga i sohraneniya minoritarnyh yazykov: diskursnyj i sociolingvisticheskiy analiz (na materiale yazykovoj situacii v ehničeskoj Buryatii)* [The factors of the language shift and preservation of minority languages: discourse and sociolinguistic analysis (on the material of the language situation in ethnic Buryatia)]. Barnaul, 2009. 35 p.

10. Doncov A. I., Stefanenko T. G., Utalieva Zh. T. *Yazyk kak faktor ehničeskoj identičnosti* [Language as a factor of ethnic identity]. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1997/974/974075.htm> (accessed February 08, 2016).